

АДЕКВАТНОСТЬ ПЕРЕВОДА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

© 2003 В.А. Нуриев

Институт языкознания РАН

1. Классические мыслительные навыки, берущие своё начало с декартовского метода, постепенно утрачивают былую непоколебимость. Многие способы рационализации и понимания становятся предметом спора. Парадигма, как дисциплинарная матрица, подвержена устареванию, её смена ведёт к установлению новой линии между рациональной и нерациональной формами познания. Рационализм, превратившись в метадискурс во второй половине XX века, стал не только упрощать, но и игнорировать многие составляющие человеческого бытия, способствуя тем самым упрощению и механизации человеческой экзистенции. Это, в сущности, не могло не отразиться на лингвистике как одной из структурирующих сторон жизни индивида, а, в частности, и на переводоведении. Поэтому, видимо, выявление психологической основы перевода становится необходимой предпосылкой для познания его сущности. В этом отношении представляется справедливым высказывание Сыроваткина С.Н. о том, что в самой своей сокровенной части перевод – это психологический процесс. Психологическую природу имеют три его стадии (понимание исходного текста, “осмысление” от форм исходного языка и выбор форм языка перевода) [11, 18]. Это обстоятельство побуждает теоретиков перевода обращаться к данным психолингвистики.

Поскольку объектом психолингвистики является речевая деятельность, а объектом переводоведения – особый вид речевой деятельности – перевод, задачи этих дисциплин имеют много точек соприкосновения. К теории перевода вполне приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и восприятия речевого высказывания, о структуре речевого действия и о моделях языковой способности. Нередко данные психолингвистических наблюдений служат для актуальной модификации существующих моделей переводческой деятельности. Так, Ю. Найда отстаивает тезис об универсальности трансформационной модели как единственной адекватной модели перевода [18, 3-4]. Согласно его рассуждениям, такая модель включает в себя три стадии: 1) анализ, в ходе которого поверхностная структура на языке А анализируется в терминах грамматических трансформаций с учётом грам-

матических отношений и значений слов и словосочетаний; 2) перенос, в ходе которого подвергнутый анализу материал транслируется из языка А в язык В; 3) реконструирование, в ходе которого перенесённый материал обрабатывается с целью окончательной адаптации конечного сообщения к нормам языка перевода.

Всесторонний анализ переводов свидетельствует о том, что грамматические трансформации действительно находят применение в качестве одного из приёмов семантического анализа исходного текста и одного из способов построения конечного высказывания. Однако сведение перевода к грамматическим трансформациям чрезмерно упрощает реальную картину, поскольку в переводе находят применение и методы лексико-синтаксического перифразирования, и семантические модификации, обусловленные ситуативно-прагматическими факторами [13, 55-56], что ведёт в свою очередь, к переосмыслению и более широкому пониманию всей теории переводоведения, где сам перевод может рассматриваться как состоящий из трёх составляющих: “... с одной стороны, это продукт, с другой, - некоторая сумма технологий, а с третьей – процесс комбинирования (для переводчика) некоторого набора знаков (исходного и переводного текстов) и смыслового восприятия (для реципиента) набора знаков, предложенного реципиенту переводчиком”.

Такое понимание перевода позволяет не акцентировать внимание на различиях в объектах, рассматриваемых общей, частной и специальной теориями перевода, заниматься знаковым дизайном, технологией конструирования переводческих объектов (событий, реалий и образов), их семантической (семиотической) спецификацией, выявлять переводческие операции, а не виды связи речевых функций с видами содержания, ибо эти связи возникают как производные от способов и форм перекомбинирования некоторого исходного текста (текста на ИЯ). Выявление списка таких операций, их психолингвистический анализ и “каталогизирование” имеет важное значение для развития “переводческой компетенции”, которая, как отмечает Р.Штольце, является одним из ведущих факторов процесса перевода. Кроме того, это позволяет рассматривать – на уровне диахронии и синхронии – процесс пере-

вода как процесс порождения, использования и забывания переводческих приёмов [1, 74], а переводоведение как дисциплину, изучающую их эмотивно-аксиологический статус, телеологию, их роды, виды и комбинации, приближаясь, тем самым, к “интерпретативной” теории перевода, в рамках которой представляется возможным придать операционный характер таким (в частности, и переводческим) понятиям, как “точка зрения” и композиция, коннотативный репертуар, смысловые вехи (ключевые слова), лакуны, значение, смысл и представление, модальные миры автора, читателя и текста с точки зрения их взаимосвязи. Таким образом, связи психолингвистики и переводоведения реализуются в формировании, изменении и актуализации переводческих парадигм в соответствии с потребностями социума.

2. Круг проблем, находящихся на стыке переводоведения и психолингвистики, можно существенно ограничить путём чёткой детерминации объекта исследования, коим является перевод художественного текста. Специфика данного объекта состоит в том, что человек говорящий (и человек пишущий) каждое своё слово стремится вывести за пределы текста. Соотнести своё слово со словами других, с другими текстами, с внеязыковыми объектами, ситуациями, событиями, фактами, положениями дел в реальном или виртуальном мире. Иными словами, текст как элемент семиосферы (семиосфера понимается как конгломерат объектов, событий, фактов и оценок, принятых в данной социальной формации) оказывается соотнесённым с другими её элементами.

В отличие от человека говорящего, находящегося внутри “своей” семиосферы, переводчик попадает в пересечение, по крайней мере, двух семиосфер: “своей” и “чужой”, представленной подлежащим переводу текстом [1, 56]. Если, к тому же, учитывать, что исходный текст является индивидуальной реализацией (авторской) модели мира [8, 93-94], то можно констатировать тот факт, что переводческая деятельность детерминирована по меньшей мере, двумя семиотическими моделями мира (картинами мира): национальной (этнической) и индивидуальной. В рамках этого утверждения необходимо уяснение концепта “картина мира”.

Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире [9, 11]. Наиболее адекватным пониманием картины мира представляется определение её как исходного глобального образа мира, лежащего в основе мировидения человека, репрезентирую-

щего сущностные свойства мира в понимании её носителей. Картина мира возникает у человека в ходе всех его контактов с окружающей действительностью. Картина мира предстаёт при такой трактовке как субъективный образ объективной реальности и входит, следовательно, в план идеального, которое, не переставая быть образом реальности, опредмечивается в знаковых формах, не запечатлеваясь полностью ни в одной из них.

Картина мира создаётся в результате двух различных процессов: 1) экспликации, опредмечивания, объективирования и осмысления образов мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека; 2) созидания, творения, разработки новых образов мира, осуществляемых в ходе специальной рефлексии, носящей систематический характер. В первом случае имеет место чистая реконструкция картины мира по её “следам”, во втором – чистое её конструирование, то есть создание некоторой ценностно-познавательной конструкции (картины мира), которая ставится в отношении адекватности к познаваемому объекту (миру). Эти процессы по своей внутренней структуре близки друг другу: в обоих происходит воспроизведение структуры объекта (мира) в структуре предмета – картине мира как некоем концептуальном образовании.

Функции картины мира вытекают из природы и предназначения в человеческой жизнедеятельности мировидения, составной частью которого и является картина мира. Мировидение имеет две базисные функции – интерпретативную (осуществить видение мира) и вытекающую из неё регулятивную (служить ориентиром в мире). Эти функции выполняет и картина мира. На образ мира, составляющий ядро мировидения человека, опирается человек в своей социокультурной деятельности. Картина мира – стержень интеграции людей, средство гармонизации разных сфер человеческой жизнедеятельности, их связи между собой. Она как целостный образ действительности опосредует все акты человеческого мировосприятия и миропредставления, лежит в основе всех актов миропонимания, позволяя осмыслить локальные ситуации в мире, совершающиеся в нём события.

В строгом смысле слова, существует столько картин мира, сколько имеется субъектов, контактирующих с миром. Субъектом картины мира может быть: 1) отдельный человек или отдельная группа людей; 2) отдельный этнос (этноты); 3) человечество в целом.

Индивидуальная картина мира является своеобразным способом создания в себе простой и ясной картины мира для того, чтобы оторваться

от мира ощущений, чтобы в известной степени попытаться заменить этот мир созданной таким образом картиной. На эту картину и её оформление человек переносит центр тяжести своей духовной жизни, чтобы в ней обрести покой и уверенность, которые он не может найти в слишком головокружительном круговороте собственной жизни [17, 136].

Этническая модель мира состоит из набора своеобразно взаимосвязанных понятий, к которым можно отнести такие понятия, как время, пространство, изменение, причина, судьба [5, 17].

Общая картина мира служит своеобразным посредником не только при взаимопонимании индивидов, но и при контакте различных сфер человеческой деятельности, различных этнических культур благодаря универсалиям, формирующим её структурное ядро (универсалии – категории, присущие человеку на любом этапе его истории, присутствующие в структуре сознания любой социальной формации) [9, 28].

Картина мира эксплицируется через семиотическое оформление, формируя один из своих наиболее глубинных слоёв – языковую картину мира, где реализуются как индивидуально-личностные, так и культурно-этнические, и общечеловеческие компоненты.

Итак, являясь субъективным отражением объективной реальности, картина мира, материализуясь в семиотическом оформлении языковой системы, переносит свою двойственную природу на переводческую деятельность, ставя адекватность перевода в зависимость от факторов, условно подразделяющихся на две группы:

- 1) экстралингвистические;
- 2) интралингвистические.

3. Экстралингвистические факторы трактуются здесь как факторы, влияние которых детерминировано внеязыковыми явлениями.

В рамках данного вопроса особое внимание можно уделить исследованиям Ю.А. Сорокина, согласно которым перевод определяется как форма существования семиотического опыта одной лингвокультурной общности в знаковых средствах другой лингвокультурной общности [10, 31], и здесь на первый план выступает проблема “язык – общество”. Особую ценность для теории перевода представляют два взаимодополняющих подхода к этой проблеме. С одной стороны, язык рассматривается как единое социокультурное образование, отражающее особенности определённого этноса как носителя определённой культуры, выделяющей его среди других культур. С другой стороны, изучаются различные

виды вариативности в языке, связанные с неоднородностью и многогранностью общественной жизни, существованием социальных, профессионально-личностных различий между людьми в рамках одной и той же культуры.

Проблема взаимоотношения языка и культуры традиционно включалась в сферу интересов языковедов. Однако в последние десятилетия понятие “культура” приобретает всё более широкую интерпретацию. На смену понимания культуры как совокупности материальных и духовных достижений цивилизации пришло расширенное толкование этого термина, включающее все особенности исторических, социальных и психологических явлений, характерных для данного этноса, его традиции, ценности, взгляды, институты, поведение, быт, условия жизни – то есть все стороны его бытия и сознания. Такое понимание культуры включает в неё язык и все другие аспекты вербальной коммуникации как важнейшего условия человеческого существования.

Таким образом, все особенности структуры и функционирования языка могут считаться проявлениями культуры соответствующего языкового (или этнического) коллектива. Однако следует учитывать сложный и опосредованный характер связи языка с другими элементами культуры. Окружающий мир, духовная жизнь и поведение людей отражаются в сознании человека в определённых когнитивных структурах, которые, в свою очередь, реализуются и переструктурируются в языковых категориях и формах.

Для исследования закономерностей переводческой деятельности большой интерес представляют особенности языка, прямо или косвенно обусловленные культурой носителей языка. Подобные особенности могут обнаруживаться на разных уровнях языковой структуры, в правилах вербальной коммуникации, в способах описания внеязыковой реальности, и их изучение представляет особый интерес для переводоведения ввиду того, что переводческая деятельность означает не только взаимодействие двух языков, но и контакт между двумя структурами. Следует учитывать, что наряду с уникальными особенностями, характеризующими каждую отдельную культуру, существуют факторы, общие для многих или некоторых культур. Кроме того, различные культуры всегда оказывали и продолжают оказывать влияние друг на друга. Реальная жизнь опровергает утверждения об обособленности и принципиальной взаимной непроницаемости культур. Подобные сомнения в возможности полноценного контакта между разными культурами высказывались некоторыми лингвистами,

этнографами, литераторами, философами и другими деятелями культуры. В языкознании наиболее известна концепция, именуемая “Гипотеза Сепира – Уорфа”.

Исходя из того, что каждый язык создаёт своеобразную “языковую картину мира”, что является одной из причин трудностей, возникающих при переводе, можно отметить, что структура языка, действительно, способна определять возможные пути построения сообщений, организуя определённым образом выражаемые мысли, порой навязывая говорящим обязательное употребление тех или иных форм. Но верно и то, что языковая форма высказывания не определяет однозначно содержание высказывания, выводимое на основе интерпретации значений составляющих его единиц, а служит лишь исходной базой для понимания глобального смысла. Один и тот же смысл может быть выведен из разных языковых структур, и, наоборот, одна и та же структура может служить основой для формирования и понимания сообщений. И зависимость выраженных мыслей от способа их языкового выражения оказывается относительной и ограниченной. Действующие коммуниканты могут сознавать различие между формой высказывания и сутью дела, преодолевать навязываемые языком стереотипы [7, 63-69].

Кроме того, переводческая деятельность оказывается детерминированной не только интеркультурными факторами, существование единой культуры и общего языка отнюдь не означает однородности культурно-языкового коллектива. Для каждого общества характерно наличие многочисленных территориальных, социальных, профессиональных, возрастных и других различий, которые находят отражение в особенностях употребления языковых средств отдельными группами людей. К тому же, одни и те же люди могут по-разному использовать язык в разных социальных ситуациях, что обусловлено не только социальными факторами, но и своеобразием индивидуально-личностного мироощущения.

Таким образом, оптимальность перевода обусловлена не только знанием алгоритмов “чужой” культуры, но также столкновением ментальных пространств автора исходного текста (ИТ) и его переводчиков, то есть их индивидуально-личностных особенностей. В этой связи особое значение приобретает изучение вектора “личность автора – личность переводчика”.

Человек, осуществляющий перевод художественного текста, не является автоматизированным мыслительным механизмом, и, следовательно, субъективность – одна из доминант профес-

сиональной личности переводчика. С другой стороны, стремление к полной элиминации субъективности не может найти абсолютного оправдания, так как переводчик, являясь представителем той культуры (этноса, государства, исторического периода, класса, вертикального контекста и т.д.), для которой он и осуществляет свой перевод, выполняет функцию “фильтра” (пропуская из оригинала в перевод то, что будет доступно носителям общей с ним культуры), “лупы” (усиливая и увеличивая в тексте перевода то, что может пройти мимо них незамеченным, но при этом является для данного произведения принципиально важным), “трансформатора” (переноса в иное культурно-языковое измерение элементы текста оригинала, которые не могут быть восприняты и поняты адекватно читателями).

Адекватность в рамках данного исследования трактуется, исходя из неповторимости художественного текста, и, как следствие, принципиальной невозможности достижения абсолютной эквивалентности исходного и конечного текстов, как относительная равноценность реконструкции семантической модальности текста оригинала, то есть речь идёт о воссоздании концептуальной, субъективно-оценочной специфичности планов содержания и выражения исходного текста. К тому же, вслед за А. Д. Швейцером, можно отметить обусловленность достижения адекватности соответствием стратегии перевода коммуникативной ситуации [15, 53]. Коммуникативная же ситуация для художественного текста – понятие достаточно широкое, охватывающее всё многообразие возможных реципиентов данного произведения, а также все его эксплицитные и имплицитные смыслы, замысел автора и т.д., что и определяет существование следующей зависимости: “Чем сложнее и противоречивее предъявляемые к переводу требования..., чем шире функциональный спектр переводимого текста, тем меньше вероятность создания текста, представляющего собой зеркальное отражение оригинала” [15, 54-55], а возможность создания такого “зеркала” при переводе художественного текста представляется ещё более сомнительной. В связи с этим принципиальное отличие личности переводчика от личности создателя переводимого произведения может послужить обоснованием выделения вектора “личность автора – личность переводчика” в качестве особого фактора, влияющего на адекватность перевода. Процессы восприятия и понимания переводчиком художественного текста, подлежащего переводу, потому и являются субъективными, что личность переводчика не тождественна личности автора: “... в сфере эстетических переживаний неминуемо искажение

художественного произведения в большей или меньшей степени. Искажение художественного произведения в сфере эстетических переживаний следует считать психологически, объективно обусловленным социальным явлением” [3, 122]. Если заменить отрицательно окрашенное слово “искажение” (которое, видимо, может быть применено только к случаям неадекватной интерпретации) на более нейтральное (“изменение”, “модификация”, “трансформация”), то вполне можно согласиться с мнением, что “восприятие и усвоение того или иного художественного произведения зависят от фиксированной установки субъекта, от его утвердившихся отношений к окружающему миру” [3, 122]. Уникальность данной установки у каждого человека является одним из основных объективных факторов, порождающих изменения при переводе художественного текста.

Таким образом, личность переводчика с неизбежностью отражается на переводе, как и особенности представителя другой профессии на продукте его труда. В то же время, необходимо подчеркнуть, что ментальные пространства индивидов никогда не могут полностью совпадать, поскольку они определяются индивидуальным опытом, знаниями и представлениями и репрезентируются индивидуальным “вербальным кодом”. Однако можно говорить о наличии определённых “общих зон” в индивидуальных ментальных пространствах, что обусловлено присутствием в “концептуальной системе языковой личности совокупности обыденных знаний об объектах и явлениях мира”, и перевод будет тем успешнее и результативнее, чем будут шире “зоны” пересечения индивидуальных ментальных пространств автора ИТ и переводчика. Именно совмещённое ментальное пространство обуславливает вербальную репрезентацию средствами принимающего языка (ПЯ) психосемиотических особенностей автора [12, 45]. 4. Группу интралингвистических факторов, влияющих на адекватность перевода, можно определить, как факторы, влияние которых обусловлено закономерностями организации систем взаимодействующих языков. Как один из доминирующих факторов здесь может быть представлен текст, в рамках которого разворачивается переводческая деятельность. Следует отметить, что принадлежность данного фактора к рассматриваемой группе подчас вызывает определённые сомнения в силу тройственной природы такого объекта как художественный текст [6, 37]. С одной стороны, текст есть упорядоченная совокупность языковых и неязыковых знаков и в этом плане текст материален; с другой стороны, текст служит для передачи от коммуниканта к комму-

никанту определённых смысловых структур, и в этом случае выявляется его идеальная сущность; а в-третьих, текст – один из конститuentов коммуникативного акта. Однако, учитывая материальную реализацию текста в знаковой форме, всё же представляется возможным отнести его к группе интралингвистических факторов, где текст предстаёт как законченная последовательность высказываний, объединённых друг с другом смысловыми связями [14, 28].

Проблема текста – одна из центральных проблем переводоведения. Именно текст является предметом анализа на первом этапе перевода, связанном с интерпретацией оригинала, и именно текст является предметом синтеза на его заключительном этапе. Поэтому эта проблема привлекает к себе пристальное внимание теоретиков перевода. Так, по мнению Р. Штольце, теоретическое осмысление процесса перевода должно строиться на учёте тесной связи герменевтики и лингвистики текста, ибо в основе перевода лежит возможность органического соединения герменевтического анализа текста как целого и системного анализа на основе лингвистических критериев [19, 49]. В основе разрабатываемой Р. Штольце теории перевода текста лежит представление о форме текста как о выражении коммуникативной интенции отправителя, реализуемой через посредство языка. Анализируя исходный текст, переводчик ставит перед собой вопрос: какую цель преследует отправитель и использует для этого языковые средства? Понимание текста основывается на осознании его целостности. При этом важно не только сказанное, но и подразумеваемое: не только сказанное ранее, но и просто известное, “я” говорящего, его социальный статус, фоновые знания и др.

В этой связи уместно вспомнить слова И.Р. Гальперина о роли подтекста, запланированного создателем текста. Выдвигаемое им положение о “содержательно-подтекстовой информации” как об органической части смыслового содержания текста, имеет самое непосредственное отношение к переводу [4, 42].

На основании сказанного выше об эксплицитных и имплицитных компонентах смысла текста, о роли различных факторов в его формировании Р.Штольце делает важный для теории перевода вывод о многоплановости и “сверхсуммарности” смыслового содержания текста. При этом под сверхсуммарностью подразумевается несводимость смысла текста к сумме смыслов его конститuentов. Отсюда, однако, не следует, что, анализируя исходный текст как сверхсуммарное целое, можно в какой-то мере пренебречь семантическим анализом его конститuentов. Дело в том, что раскрывающие содержа-

ние текста рекуррентные смысловые признаки (семантически связанные друг с другом лексемы) образуют определённые плоскости текста, в которых реализуется многоплановая структура его смысла. Именно в результате интеграции отдельных элементов в языковом и внеязыковом контекстах образуется то “приращение информации”, которое лежит в основе “сверхсуммарности” смысла текста.

Учёт семантики текста ставит по-новому для переводоведения и вопрос об учёте значений отдельных лексем. Их значение рассматривается не как фиксированный срез определённого набора семантических признаков, а как “гибкая совокупность сем, изменчивые сочетания которых проецируются в плоскость текста” [19, 93-104].

Анализ подобных лингвистических явлений неразрывно связан с теорией когезии, то есть с изучением внутритекстовых связей, обеспечивающих континуум текста – логическую последовательность, (темпоральную и / или пространственную) взаимозависимость отдельных сообщений, фактов, действий и пр. [4, 73].

Итак, вследствие того, что “семантическая технология перевода должна быть изоморфна семантической технологии исходного текста” [1, 28], переводчик попадает в зависимость от принципов организации текста оригинала, что ведёт к необходимости учёта различных факторов, находящихся в ведении лингвистики текста.

Следуя дедуктивной логике целесообразен переход на более низкий иерархический уровень системы языка, и здесь можно отвести особое место рассмотрению проблемы грамматических трансформаций как одного из интралингвистических факторов, играющих существенную роль в реализации адекватного перевода.

Основная особенность грамматического аспекта перевода состоит в жёстко детерминированных отношениях между системами языка-источника и языка-приемника, которые в большинстве случаев предписывают вполне однозначное решение той или иной конкретной переводческой задачи. Возникающие в процессе перевода трансформации грамматических элементов текста являются, следовательно, системно обусловленными. Их общим свойством является то, что выбор соответствующей грамматической единицы в языке-приемнике совершается автоматически и какие-либо отклонения от предписываемых межсистемными отношениями соответствий, как правило, исключены. Так, совершенно не зависят от воли переводчика такие трансформации, как замена существительного одного грамматического рода на существительное другого рода (русс. *книга* → фр. *livre*), переход от единственного числа к множественно-

му у некоторых существительных (фр. *argent* → русск. *деньги*) и т.д. В то же время очевидно, что, несмотря на строгую детерминированность отношений между грамматическими системами двух языков, в них всегда есть элементы, допускающие известную вариативность. Эти отступления от принципа однозначных отношений объясняются наличием синонимичных средств выражения, расхождением в структуре грамматических систем, наличием лакун в одной из них, предпочтительным использованием одного элемента в ущерб другому, взаимодействием элементов разных уровней. Так, французская личная конструкция *J'ai froid* может быть переведена русской личной конструкцией *Я замёрз*, но если учесть предпочтение, которое русский язык отдаёт безличным оборотам, то более приемлемым будет другой вариант – *Мне холодно*. Именно в такого рода случаях необходим выход за рамки чисто системных соответствий, ибо адекватность перевода требует здесь учёта факторов, относящихся к норме.

Виды грамматических трансформаций чрезвычайно разнообразны, и, видимо, трудно дать исчерпывающий их список: грамматические проявления настолько многочисленны и специфичны, что всегда оставляют место для нового неожиданного варианта перевода. В принципе, они, очевидно, могут быть сведены к следующим четырём типам: добавления, опущения, перестановки, замены, что позволяет условно разделить их в соответствии с грамматическими уровнями на синтаксические и морфологические.

К синтаксическим можно отнести грамматические преобразования, ведущие к изменению синтаксических структур: добавления, опущения, перестановки, частично замены.

Добавления – это грамматические трансформация, при которой в переводном тексте появляются новые элементы, эксплицитно компенсирующие “формальную невыраженность” семантических компонентов словосочетания в исходном языке [2, 221]. Этот вид переводческих преобразований становится необходимым, например, при переводе некоторых абстрактных существительных во множественном числе, когда соответствующая форма в русском языке отсутствует: *-J'aime ces attentions qui ne s'encombrent pas de mots, ni d'attitudes (Basin) = ...такие знаки внимания...* Добавления могут быть необходимыми вследствие различий в нормативных установках двух языков. Так, во французском языке в разговорной речи вопрос часто содержит лишь одно слово, которое называет запрашиваемую информацию; и в ответе она также может быть обозначена лишь одним словом. В русском язы-

ке такие структуры необычны, и поэтому добавление при переводе конструктивно необходимых членов предложения (которым в оригинале формально ничего не соответствует) становится императивным: *Froid ?= Вам холодно?; Non : soif.= Нет, хочется пить.*

Опущения – этот вид грамматических трансформаций по сути своей представляет прямую противоположность добавлениям: речь идёт об опущении в процессе перевода семантически избыточных единиц. В одних случаях это могут быть элементы, относящиеся к структуре языка: так, необязательность употребления личных субъектных местоимений в русском языке в связи с тем, что значение лица достаточно чётко выражено глагольной флексией, ведёт к тому, что французские личные субъектные местоимения могут при переводе опускаться: *Je demande pardon aux petits enfants... (Saint – Exupéry)= Прошу детей простить меня...* В других случаях семантически избыточными могут оказаться лексические единицы, как это бывает при так называемых парных синонимах: *Toute cette foule se pressait, se bousculait... (Daudet).= Весь этот народ толпился...*

Перестановки – вид грамматических трансформаций, которые сводятся к изменению линейного расположения элементов высказывания, чаще всего – членов предложения. Причины перестановок могут быть разными:

- специфика межсистемных отношений, например, различия в расстановке определяемого и определяющего (*Une femme courageuse = Мужественная женщина*);

- необходимость сохранения при переводе исходной коммуникативной структуры, как, например, в хрестоматийных случаях типа *Un homme est entré dans la chambre = В комнату вошёл человек*;

- невозможность сохранить в переводе исходную пассивную конструкцию, которая, как известно, встречается во французском языке чаще, чем в русском: *Les cafés, les trains seront manqués... (Queneau) = Кто-то не пойдёт в кафе, кто-то опоздает на поезд* и др.

К синтаксическим трансформациям также относятся замены одной конструкции другой, например, замена при переводе французского абсолютного оборота русским (дее) причастным оборотом: *Et il s'éloigna, les épaules hautes, les mains dans les poches. (Troyat) = ...подняв плечи и засунув руки в карманы*; передача французского инфинитивного оборота русским придаточным предложением: *Lastin le regarda partir (Hougron) = Ластэн смотрел, как он уходит*; перевод французского причастного оборота русским придаточным: *Sitôt la table débarrassée, tamen fit*

marcher la machine à coudre. (Duhamel) = Как только стол освобождался, мама садилась за швейную машинку. Следует отметить при этом, что замене подвергаются не только отдельные компоненты высказывания, но и структура предложения в целом.

К морфологическим трансформациям следует отнести не только замену форм слова, но и замену одной части речи другой. А также, например: при переводе предложения *Ces petits hôtels, surmontés de vitrages à rideaux de photographe, doivent appartenir à des peintres. (Cocteau)* модальный глагол *devoir* неизбежно заменяется модальным словом (выражением) “должно быть”. Одним из частных случаев замены частей речи является подстановка существительных вместо местоимений; например, такая замена очевидна при переводе местоимения *ça* в следующем тексте: *Lorsque j'avais six ans, j'ai vu, une fois, une magnifique image, dans un livre sur la Forêt Vierge qui s'appelait « Histoires Vécues ». Ca représentait un serpent boa qui avalait un fauve. (Saint – Exupéry), где Ca...= На рисунке (была изображена)...; Рисунок (изображал)*[16, 46-50].

Можно отметить практическую невозможность чёткого разграничения морфологических и синтаксических трансформаций; на их диалектическое единство указывает тот факт, что морфологические преобразования в большинстве случаев влекут за собой изменения синтаксического плана.

В целом, можно сделать вывод, что проблема достижения адекватности перевода художественного текста обусловлена сложной природой данного феномена, находящегося в зависимости от целого ряда факторов как интралингвистического, так и экстралингвистического характера, что, несомненно, воплощается в специфике деятельности переводчика, осуществляющего их необходимую интеграцию в процессе разного рода грамматических преобразований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылев В.Н., Сорокин Ю.А. Интерпретативное переводоведение/ В.Н. Базылев, Ю.А. Сорокин. - Ульяновск, 2000.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод/ Л.С. Бархударов. - М., 1975.
3. Васадзе А. Проблема художественного чувства/ А. Васадзе. - Тбилиси, 1978.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования /И.Р. Гальперин. - М., 1981.
5. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры/ А.Я. Гуревич. - М., 1972.

6. Зотов Ю.Т. Текст как бесконечномерное смысловое пространство / Ю.Т. Зотов // Лингвистика на пороге XX века. Итоги и перспективы. – М., 1995. - т.1.
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение/ В.Н. Комиссаров. - М., 1999.
8. Лукин В.А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа/ В.А. Лукин. - М., 1999.
9. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира/ Б.А. Серебренников. - М., 1988.
10. Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихолингвистику/ Ю.А. Сорокин. - Ульяновск, 1998.
11. Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвистики/ С.Н. Сыроваткин. - Калинин, 1978.
12. Фесенко Т.А. Концептуальные основы перевода/ Т.А. Фесенко. - Тамбов, 2001.
13. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика/ А.Д. Швейцер. - М., 1973.
14. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус. Проблемы. Аспекты/ А.Д. Швейцер. - М., 1988.
15. Швейцер А.Д. Эквивалентность и адекватность / А.Д. Швейцер // Коммуникативный инвариант перевода в текстах различных жанров: Сб. науч. тр. - М., 1989.
16. Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский/ В.Е. Щетинкин. - М., 1987.
17. Эйнштейн А. Влияние Максвелла на развитие представлений о физической реальности / А. Эйнштейн // Сб. науч. трудов. - М., 1967. - Т.2
18. Nida E.A., Taber C. The theory and practice of translation. Leiden, 1969.
19. Stolze R. Grudlagen der Textubersetzung. Heidelberg, 1982.